Стамова Р.Д., Садыкова Т.М.

О сложности анализа менталитета на примере казахского и кыргызского народа

Институт философии, права и социально-политических исследований им. А.А.Алтынбаева

НАН КР

(Кыргызская Республика, Бишкек)

doi: 10.18411/trnio-01-2022-230

Аннотация

В статье на примере казахского и кыргызского народов анализируются некоторые сложности, неизбежно возникающие при оценке менталитета целых народов.

Ключевые слова: казахский народ, кыргызский народ, менталитет, объективность, пристрастие, предвзятость.

Abstract

Using the example of the Kazakh and Kyrgyz peoples, the article analyzes some of the difficulties that inevitably arise when assessing the mentality of entire peoples.

Keywords: Kazakh people, Kyrgyz people, mentality, objectivity, bias, bias.

Очевидно, что для того чтобы более объективно, беспристрастно проводить анализ менталитета обоих указанных народов следует избегать комплиментарной, т.е. главным образом лестной, похвальной их оценки, которая, естественно, исходит главным образом от исследователей казахского и кыргызского происхождения. Приведем несколько достаточно красноречивых примеров такой оценки. Так, казахский философ Д. Кшибеков, указывает на то, что казахский народ в процессе собственного исторического развития обрел значительный опыт в плане совершенствования своего внутреннего мира, проявлявшегося, в частности, в уважении к ближнему, к создателю в лице Тенгри и уважении его заветов [1, с. 96]. Кроме того, Д. Кшибеков приводит ряд особенностей менталитета казахского народа. По его мнению, казахи:

- мудро соединяли в своем менталитете два принципа – демократичности и аристократичности;
- в течение своей истории не знали собственной среде такие негативные явления, как крепостничество, авторитаризм и деспотизм, и при этом весьма ценили личную свободу и независимость;
- знали многому истинную цену, и в первую очередь – слову, отсюда – строгие запреты, табу на многие дурные, оскорбительные, отрицательные слова и поступки;
- строго придерживались этических норм, особенно связанных с соблюдением равноправия, умели говорить складно, но лаконично;
- признавали активное начало в человеке, его способность изменять, преобразовывать мир [1, с. 96].

Все из вышеуказанных черт менталитета казахского народа, за исключением, как нам представляется, последнего, не расходятся с действительностью. И эти же черты свойственны, по всей видимости, также и менталитету кыргызского народа. Однако совершенно очевидно, что ими далеко не исчерпывается менталитет обоих народов, и если пытаться составить их ментальный портрет по этим чертам, то такой портрет будет не только неполным, но и однобоким. Что же касается последней из указанных черт, а именно в признании казахами активного начала в человеке, его способности преобразовывать мир, то следует сказать, что одной из основополагающих ментальных черт практически всех кочевых народов является признание главенства природы над человеком. Данный факт, обстоятельство предполагает если не отрицание активного начала в человеке, то во всяком случае внутреннее стремление органически вписываться, если это возможно, в поток

событий и в природную среду, но не преобразование последней. Это типологическое свойство любого народа, придерживающегося кочевого образа жизни.

Один из первых исследователей менталитета казахского народа на научном уровне А. Калмырзаев приводит в одной из своих статей слова Казыбека-би – одного трех великих биев казахского народа и авторов «Жеты Жаргы» (первого свода казахских законов и обычаев – адата, приведенного в систематизированную форму): «Мы, казахи, скотоводы... никому не угрожаем, на себя лишь уповаем... мирный народ... перед злым врагом головы не склоняем, словом бранным свои уста не оскверняем. Дружбу верную почитаем высоко, добром отвечаем на добро...» [2, с. 22]. Из этих слов А. Калмырзаев выявляет такие черты казахского народа, как независимость, терпимость к чужому мнению, доброжелательность и верность своему слову [2, с. 22]. В пользу такого мнения свидетельствует, в частности, казахская пословица, в которой категорически утверждается, что «отказ от своих слов – смерть для мужчины» [3, с. 25]

Следует уточнить, что мы считаем, что все вышеуказанные черты менталитета казахского народа, несмотря на их в целом комплиментарный характер, не расходятся с реальностью. Другими словами, они действительно свойственны казахскому народу, и исследователи, указывавшие эти черты, не ошибались в своих оценках. Однако, как мы уже указали выше, составить по ним достоверное или во всяком случае достаточно полное представление о казахском народе едва ли представляется возможным. В данной связи следует отметить, что в мировой философской мысли достаточно сложно найти суждения и оценки собственного народа, в которых перечислялись исключительно негативные его черты. Это обусловлено, по всей видимости, в первую очередь тем, что все люди, в том числе, конечно, мыслители, строго вписаны в свои социумы и часто не мыслят собственного существования вне этих социумов. Что же касается казахского и кыргызского народов, то одной из основополагающих черт их менталитета является почтительное отношение к своим предкам и народу. В соответствии с многовековой традицией обоих наших народов считается крайней формой пренебрежения, непростительной дерзостью неуважительное отношение к покойникам, предкам, что, конечно, накладывает определенный отпечаток и на философскую мысль казахов и кыргызов, которые строго придерживаются принципа, высказанного еще в VI веке до н. э. древнегреческим поэтом Хилоном: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Данная мысль приводится часто не в полном виде, который выглядит следующим образом: ««О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды».

Однако сама правда не существует вполне самостоятельно, отдельно от этики, представлений о добре и зле, интересов и целесообразности, симпатий и антипатий и т.д. Ф. Ницше писал о нашей способности выносить оценочное суждение следующее: «Все суждения о ценности жизни развиты нелогично и потому несправедливы. Нечистота суждения лежит, прежде всего, в характере доступности материала, который именно весьма неполон, во-вторых, в способе, каким ему подводится итог, и, в-третьих, в том, что каждая отдельная часть материала есть в свою очередь результат нечистого познания, и притом совершенно неизбежно. Ни один опыт, например, о человеке, как бы близок нам ни был последний, не может быть настолько полным, чтобы мы имели логическое право подвести ему общий итог; все оценки преждевременны и неизбежно должны быть таковыми. ... Быть может, из этого должно вытекать, что вообще не следует судить; если бы только можно было *жить*, не производя оценок, не имея симпатий и антипатий! – ибо всякая симпатия и антипатия связаны с оценкой» [4, с. 259–260]. Из приведенного суждения следует, в частности, что человек в принципе не способен к объективной оценке, что, однако, не освобождает нас от необходимости выносить оценки, выражая таким образом свое отношение не только к конкретным предметам, явлениям и событиям, но и к самой жизни. С другой стороны, люди по крайней мере способны составлять более полное представления о них, хотя это не освобождает нас от симпатий и антипатий, обязанностей и обязательств, чувства долга, даже ложно понятого.

Приведем достаточно яркий и убедительный пример того, как изменяется отношение к событиям и людям, их морально-этическая оценка в зависимости от того, кто и под каким углом смотрит на эти события и людей. Этот пример связан с Тамерланом, его попытками подчинить себе Грузию. Тамерлан добился своей цели, причем с катастрофическими для грузинского народа последствиями.

В связи с военными кампаниями Тимура против Грузии и в связи с самой личностью существует множество оценок. Мы выделим из них три группы, первая из которых – грузинская, вторая – узбекская и третья – русская. Начнем с грузинского взгляда на вещи и Тамерлана.

Итак, Тамерлан, как было сказано, нанес грузинскому народу колоссальный ущерб, отбросив грузин в их развитии на несколько веков назад. Поэтому у грузин не может быть никакого иного взгляда на Тамерлана и его деяния, кроме негативного. Однако негативный не обязательно означает необъективный. Тем не менее, именно в грузинской оценке с особой отчетливостью реализуется основополагающий принцип и социально-психологический комплекс «они и мы» и «свои и чужие», «мы и враги», когда «они», «чужие», «враги» являются воплощением всего дурного, мерзкого, отвратительного, исчадием ада, а «мы», «свои», напротив, воплощают собой все самое высокое, нравственное и благородное.

Мы приведем несколько цитат, взятых нами из книги грузинского историка И.И. Джорджадзе «История военного искусства Грузии», чей взгляд на Тамерлана, его армию и деяния вполне типичен для представителей грузинской гуманитарной науки. Так, И.И. Джорджадзе, по сути, отказывает Тамерлану даже в наличии у него полководческого дара. Он пишет вполне искренне: «Несмотря на то, что Тамерлану удалось захватить всю Среднюю Азию, Индию, Иран, Месопотамию, Турцию, владения Золотой Орды и многое другое, истребляющие походы диких масс невозможно определить известными понятиями военного искусства – это были массовые убийства, грабежи, поджоги, выжженные земли и омертвевшие огромные пространства, не вызванные военной необходимостью» [5, с. 141]. Несколько ниже И.И. Джорджадзе пишет: «Такие дикие истребители народов, с животной ненавистью убивающие всех без разбора людей, кроме их проклятия заслуживают самых низких эпитетов, а не полководческих лавров» [5, с. 143].

Одна из лучших армий в мире на тот момент армия Тамерлана в описании И.И. Джорджадзе предстает в самом неприглядном виде: «... нашествие диких племен, опьяненных потоками крови человекоподобных, ничего общего не имеют с понятием “стратегия” и “военное искусство”... С звериным упорством и настойчивостью преступная военная машина восточного деспота... В военном отношении было общеизвестно, что Тамерлан брал числом, давил массой диких воинов, основой дисциплины которых была смерть по любому поводу» [5, с. 143–150]. Сама же личность Тамерлана в явно надуманном виде И.И. Джорджадзе описывает следующим образом: «... совершенно безграмотного воришки, начавшего с кражи козла и коровы» [5, с. 151].

Что касается грузин и их полководцев, то в описании И.И. Джорджадзе они представляют полную противоположность «диким ордам татар». Приведем несколько цитат, подтверждающих это: «Тамерлану не удалось сломить возвышенную духовную силу и волю Грузии к отчаянному военному сопротивлению. ... Известная веками непоколебимость христианской веры Грузии сделала несбыточным подчинение ее любым формам насилия, зверства и утрачений. ... В узком ущелье, в рубке один на один, грузинские воины, запросто одолевая врага, перерубили передовые эшелоны с такой яростью и быстротой, что остальные силы обратились в бегство. ... Обрадованный наконец увидеть усмирённую самую непокорную страну... В горной войне в ещё большей, степени раскрылись преимущества грузинских воинов – выносливых, сильных и неутомимых в маневре по горным нехоженным тропам, скалам, вершинам...» [5, с. 143–151]

Собственно, взгляд И.И. Джорджадзе нас интересует не как объективная оценка реальных исторических событий и персонажей, а как образец того, что люди смотрят на вещи в зависимости от того, кем они реально являются. Тамерлан и его превосходная армия, захватившая значительную часть Центральной Азии, Индии, Османской империи, Иран,

Ирак, территорию современного Пакистана, Афганистана и т.д., разгромившая Золотую орду, никак не могли быть ордами дикарей, как это пытался представить И.И. Джорджадзе.

Что касается взгляда на Тамерлана и его деяния узбеков, то она представляет собой полную противоположность грузинскому взгляду. Для узбеков Тамерлан – выдающийся полководец, государственный деятель, заложивший основы узбекской государственности, дальновидный правитель и талантливый организатор. Его чрезмерную жестокость во время военных походов они объясняют целесообразностью, эффективностью, приносившей желаемый результат, и необходимостью, а также жестокими нравами, присущими для тех времен для всех времен.

Приблизительно таким же образом оценивают личность Тамерлана российские исследователи и специалисты. Правда, более сдержанно и менее восторженно. Такое отношение русских можно объяснить несколькими обстоятельствами. Тамерлан был действительно выдающимся политиком и полководцем, в заметной степени определившим характер дальнейшей истории не только Центрально-азиатского региона, но истории России и Передней Азии, а через последних и истории Европы и мира. Дело в том, что Тимур вторгся на территорию Рязанского княжества и, разорив там город Елец, свернул свои войска на Золотую Орду, которую он в конце концов разгромил, до этого нанеся поражение Токтомышу. Таким образом Тамерлан приблизит по крайней мере на несколько десятилетий освобождение Руси от татаро-монгольского господства. Кроме того, несколько позже разгромив Османское государство, Тамерлан существенно облегчит задачу России в установлении ее господства на Кавказе, Каспии, Черном море и прилегающим к ним территориях. Все это объясняет, почему российские историки, философы и представители других гуманитарных дисциплин относятся к Тимуру как выдающемуся полководцу и государственному деятелю.

Мы рассмотрели столь подробным образом Тамерлана и его деяния, а вернее, оценку его персоны и деятельности, для того чтобы показать, как может радикально меняться точка зрения в зависимости от того, кто смотрит на людей, вещи и явления. Мы живые люди, имеющие свойство ошибаться, а кроме того, всегда заинтересованные в чем-либо, имеющие симпатии и антипатии, а также определенные интересы и сильно привязанные к собственным социумам. Все это побуждает нас действовать определенным образом и в своих суждениях и теоретизировании воздерживаться от негативных оценок, когда речь идет о собственном народе.

Все точки зрения имеют право на существование, несмотря на то, что они противоположны друг другу, взаимоисключая с формальной точки зрения. Любое явление, как и любой человек, состоит из множества свойств и граней. И разный угол зрения, который определяется, в частности, притяжательными местоимениями «свой» и «не свой» или «чужой», будет оказывать решающее влияние на морально-этическую оценку людей и событий, а кроме того, избирательно представлять те или иные ментальные черты, которые выставляют собственный социум, этнос, народ в более выгодном свете, с благоприятной стороны. В данной связи возникает правомерный вопрос: при таком походе, который фактически исключает незаинтересованное, нейтральное отношение к тем или иным событиям, явлениям и людям и предполагает деление людей на «своих» и «чужих», возможно ли в принципе вынести сколько-нибудь объективную оценку менталитета или по крайней мере составить более полную и правдивую его картину? Мы придерживаемся мнения, что возможно, поскольку при отрицательном ответе на данный вопрос исследование теряет всякий смысл.

1. Кшибеков, Д. Ментальная природа казахов [Текст] / Д. Кшибеков. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2005. – 256 с.
2. Калмырзаев, А. Национальный менталитет и национальный дух [Текст] / А. Калмырзаев // Мысль, 2000. – № 8–9. – С. 19–26.
3. Казахские пословицы и поговорки / Сост. и пер. с каз. М.А. Аккозин. – А-А.: Казахстан, 1985. – 88 с.
4. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. – Т. 1 / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем. – М.: Мысль, 1997. – 829 с.
5. Джорджадзе, И.И. История военного искусства Грузии [Текст] / И.И. Джорджадзе. – Тбилиси, 1990. – 303 с.